

Филатов А.С.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И СВОБОДА ЛИЧНОСТИ

Социальная свобода, реализуясь в результате социальной деятельности личности, имеет, естественно, различные формы реализации. Они образуются в соответствии с многообразной социальной практикой людей. Поэтому мы говорим о таких формах социальной свободы, как политическая, экономическая, творческая, стратификационная (обеспечивающая вертикальную социальную мобильность), религиозная, идеологическая и т. п.

В свою очередь, практика, рассматриваемая как целостная система, обуславливает не только взаимовлияние (а зачастую и противоречия), но и единство этих форм. Это вызывает необходимость рассматривать социальную свободу личности как целостность и при этом избегать попыток изолировать, например, политическую свободу от экономической, либо разделить целостное социально-философское понятие свободы на "свободу от" и "свободу для". Характеризуя социальную свободу личности как целостное социально-философское понятие, мы к тому же отмечаем ее разноплановость в реализации. Ведь обозначение различных аспектов социальной свободы (политического, идеологического, экономического и т.д.) – это прежде всего выражение и характеристика ее граней. Об этом следует помнить, исследуя частные случаи проявления социальной свободы.

Это означает, что целостность социальной свободы личности, конечно же, не исключает возможность рассмотрения различных ее форм – экономической, политической, религиозной и др., равно как и составляющих, можно сказать, структуросоставляющих свободы, каковыми являются "свобода от" и "свобода для". Правда, в последнем случае фактически речь идет об 1) освобождении от различной степени ограничений в процессе реализации деятельностных возможностей личности и 2) условиях такой реализации.

Но обособление "ипостасей" свободы, происходящее при ее измерениях на "свободу от" и "свободу для", вообще-то приводит к нарушению "процессуального" единства социальной свободы. Таким образом, произвольно разрушается ее сущностное содержание, утрачивается целостность. Традиция такого рода измерений, заложенная еще Т. Гоббсом, находит своих сторонников и среди современных авторов. Так, например, И. Кон считает первое измерение – "свободу от" – отрицательным. Он подразумевает под ним стремление личности освободиться от определенных ограничений, тягот, преследований и т. п.

Кроме определенно выраженной политизированной, в таком случае, подачи данной социально-философской категории, отрицательное измерение свободы в социальном плане оказывается непродуктивным. Ну, избавились от ограничений, а что делать дальше – не знаем и свобода от ограничений не дала свободу как таковую, т. е. "свободу для". Получилось, что свободы при ограничениях было больше, чем после того, как их устранили. А то и вовсе после устранения ограничений никакой свободы не осталось. Тогда отрицательное измерение свободы приводит к тому, что оно (измерение) устраняет самый главный момент социальной свободы – реализацию деятельностных качеств личности.

Опять же, если мы будем изолированно рассматривать отрицательное измерение свободы, то придем к искаженному отражению в сфере понятийных представлений диалектического процесса проявления свободы в реальной действительности. Ведь явление, вырастая из отрицаемого, не избавляется от него и даже не утрачивает (в радикальном смысле этого слова) его сущность, а *вырастает* на нем, *само-преобразовываясь*. Такой смысл закладывал Г. Гегель в принцип отрицания отрицания, предполагая не уничтожение явления, а порождение нового в развитии. Обозначенное в отрицательном измерении "свободы от" стремление к социальному отрицанию ведет к "неантизации" самого человеческого бытия.

Второе измерение свободы, характеризуемое И. Коном как положительное, "показывает, где именно, в каких сферах, в каких направлениях может развернуться его (человека - А. Ф.) деятельность"¹. Фактически здесь речь идет о социальном выборе или, можно допустить, свободе выбора личности. Но и на этот раз свободная реализация деятельностных качеств личности только просматривается. Выходит, что второе измерение, хотя и не в такой степени, как первое, также далеко от выражения подлинной и полной (целостной) социальной свободы личности.

Однако, как уже отмечалось, дифференцированное, по формам реализации, рассмотрение социальной свободы личности возможно, а в некоторых случаях – и необходимо, с учетом конкретно-исторической обусловленности социальной свободы и специфики исследуемой проблемы. Мы вправе отдельно рассматривать, допустим, состояния политической и экономической свободы в конкретно взятых обществах, сравнивать и сопоставлять их, чтобы можно было выделить приоритетные качества.

К примеру, после прихода к власти в Чили в 1973 году военного правительства во главе с А. Пиночетом политическая свобода была серьезно ограничена. Но в то же время были созданы условия для полномасштабной реализации экономической свободы граждан. Фактически создавались условия реализации деятельностных качеств личности. В конечном итоге это привело к распространению свободы и на другие формы ее реализации, в том числе и политическую. Этот опыт представляет значительный интерес по причине лежащей в его основе социально-философской методологической базы. Поэтому есть смысл уделить ему более пристальное внимание.

Суть того, что произошло в Чили, определялась тем, что стержнем экономических преобразований, одним из основных критериев их целесообразности стал принцип самодостаточности и дополнительности. Этот принцип был зафиксирован в Декларации принципов военного правительства Чили². Там были отражены основные положения принципа самодостаточности и дополнительности. Если человек является основой любого сообщества и последние возникают в силу самой человеческой природы, то совершенно ясно, что более крупные сообщества образуются для достижения целей, которые малые сообщества решить не в состоянии. Человек создает семью для того, чтобы решить проблемы, которые ему в одиночку неподвластны. Затем он порождает более крупные социальные объединения для решения задач, которые не в состоянии решить семья. В конце концов человек приходит к необходимости слияния

этих разнообразных сообществ в единое государство, с целью установления во всех промежуточных сообществах общего порядка во имя основных жизненных интересов каждого человека. Этот порядок государство обязано поддерживать с помощью права, беря на себя функции, которые ни одно из промежуточных сообществ не в состоянии непосредственно выполнить.

Из этого следует основополагающая идея принципа самодостаточности и дополнителности: сфера деятельности каждого более крупного сообщества относительно более мелкого имеет свои пределы. Первое возникло для решения задач, которые второе не может решить самостоятельно, и именно в этом его предназначение. Значит, у крупного сообщества, а следовательно, и у государства нет никаких законных оснований вторгаться в ту сферу, которая принадлежит компетенции более мелкого сообщества и внутри которой это последнее должно обладать достаточной автономией. Поэтому сфера компетенции большего сообщества начинается там, где кончаются возможности меньшего сообщества.

Несомненно, что Чили не была единственной и тем более первой страной, где происходила реализация этого принципа. Социально-экономические, в основе своей структурные, преобразования общества в Западной Германии и Японии после второй мировой войны в своей модели исходили из отмеченного принципа. Еще раньше конституирование общества в Северо-Американских Соединенных Штатах с конца XVIII века, можно сказать, положило начало реализации принципа самодостаточности и дополнителности. Просто пример с Чили предстает наиболее наглядным, так как даже авторитарный политический режим (вследствие этого зачастую называемый фашистским) вынужден был трансформироваться в демократическое устройство. Произошло это, несомненно, под влиянием утверждающегося в обществе принципа самодостаточности и дополнителности.

В этом мы можем найти специфику и отличие Советской России (СССР). Здесь были прерваны тенденции демократического устройства, намеченные в 1917 и еще частично сохранявшиеся в 1918 году. Это произошло под давлением внедренного в общество другого, сущностно отличного принципа. Речь идет о принципе коллективной заданности и ограниченности. Именно полномасштабная реализация данного принципа в СССР (и не только в нем одном) привела к установлению тоталитарного режима.

Безусловно, принцип самодостаточности и дополнителности подразумевает право на свободную инициативу в области экономики. Создание условий для того, чтобы частные лица могли заниматься производительной деятельностью, – это право, которое государство, в соответствии с изложенными выше принципами, не может и не должно отменять. Но, кроме того, это и единственный путь, гарантирующий полноценное экономическое развитие. Право частной собственности, как экономический критерий свободного общества, неизбежно вытекает из ранее изложенного принципа самодостаточности и дополнителности. Естественной экономической формой этого принципа является индивидуальная собственность, хотя допускается и такая ее разновидность, как коллективная собственность, если она образована или закреплена путем добровольного соглашения. Государство в таком случае закрепляет за собой в собственности лишь те объекты, которые в силу их стратегического либо жизненно важного для страны значения неблагоприятно оставлять в руках ограниченного числа частных лиц и созданных ими сообществ. Все остальное подлежит приватизации в соответствии с правом частной собственности.

Осуществление этого права преследует определенную социальную цель. А именно: создать общество собственников, а не общество массовой пролетаризации населения при немногочисленной касте управляющих. И это должно быть закреплено юридически. Право частной собственности нуждается в юридических гарантиях, которые исключили бы возможность его отмены. С этой целью должно быть установлено, что государство может провести экспроприацию только в том случае, когда это действительно продиктовано заботой об общем благе, но в то же время оно обязуется немедленно выплатить пострадавшему справедливую компенсацию.

Обратившись к истории нашей страны советского периода, мы найдем еще одно подтверждение нашим выводам. Характерные для этого времени ограничения реализации деятельностных качеств личности приводят в конечном итоге к утрате политической свободы граждан. В этом плане экономическая сфера дает более наглядные проявления.

Поэтому **любая форма социальной свободы может обрести устойчивое положение лишь только тогда, когда обеспечены условия для принципиально-деятельностной реализации сущностных качеств личности.**

ⁱ Кон И.С. Социология личности. – М., 1967. – С. 81.

ⁱⁱ См.: Московские новости. N 8, 21 февраля 1993. – С. 12-13.